

МОДЕЛИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СЕГРЕГАЦИИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ИММИГРАНТСКИХ РАЙОНОВ В ДАНИИ И ШВЕЦИИ

Е. Ю. Талалаева^{1,2}

Т. С. Пронина¹

¹ Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10

² Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 392036, Россия, Тамбов, ул. Интернациональная, 33

Поступила в редакцию 19.04.2023 г.

Принята к публикации 25.12.2023 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-5

© Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С., 2024

Анализируются иммиграционные и интеграционные стратегии Дании и Швеции, проводится их сравнение с точки зрения эффективности принимаемых мер. Общность исторического, культурного и социально-экономического развития двух стран обусловила и схожесть подходов к решению проблем, возникающих в связи с образованием на их территориях этноконфессиональных анклавов, население которых преимущественно составляют иммигранты «мусульманского происхождения». Европейские миграционные кризисы последних лет привели к ужесточению интеграционных режимов Скандинавских стран. Но есть и различия в правительственных стратегиях этих стран в противодействии сегрегации иммигрантских районов. Дания придерживается жесткой иммиграционной политики, в основе которой лежит подход культурной ассимиляции иммигрантов из «незападных» стран. Швеция проводит более либеральную политику, исходя из принципов мультикультурализма. Анализ официальных документов и критический анализ политических дискурсов позволили реконструировать эволюцию иммиграционных и интеграционных инициатив Дании и Швеции. Авторы отмечают, что шведские власти используют более радикальный датский опыт решения «миграционных» проблем, адаптируя его под собственные политические программы. Но, несмотря на результаты антииммиграционного политического курса Дании, что проявилось в сокращении числа сегрегированных иммигрантских районов, целый спектр проблем остается нерешенным, что связано и с иммиграционной политикой ЕС. Острой остается и проблема формирования новой гражданской идентичности, основанной на языковой, религиозной и культурной «однородности» датского общества при его реальной поликультурности. В этом плане Швеция конструирует собственную программу противодействия сегрегации с учетом позитивного и негативного опыта датской иммиграционной и интеграционной политики. Еще один важный вывод: эти страны стали уделять особое внимание этническому и конфессиональному критериям в идентификации «параллельных обществ».

Ключевые слова:

миграционный кризис, сегрегация, иммигрантские районы, иммиграционная и интеграционная политика, иммигранты «мусульманского происхождения», этноконфессиональное параллельное общество, Дания, Швеция

Для цитирования: Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С. Модели противодействия сегрегации этноконфессиональных иммигрантских районов в Дании и Швеции // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 1. С. 81–99. doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-5

Введение

Несмотря на принадлежность Дании и Швеции к скандинавской концепции «государства всеобщего благосостояния»¹ и общую проблему сегрегации иммигрантских районов, подходы двух стран к реализации иммиграционной и интеграционной политики в последние два десятилетия существенно различаются. Позиция датского правительства в отношении иммигрантов и беженцев является самой жесткой среди европейских стран, тогда как шведский подход в этом плане считается наиболее либеральным. Сложившуюся ситуацию можно проиллюстрировать при помощи Индекса политики по интеграции мигрантов (MIPEX) за 2020 г. Согласно шкале MIPEX, Швеция входит в тройку мировых лидеров по эффективности иммиграционной политики с показателем в 86 баллов², тогда как рейтинг Дании в данной системе считается самым низким среди западноевропейских стран и составляет всего 49 баллов³. Если у Швеции все ключевые показатели для определения индекса являются «благоприятными» — свыше 80 баллов, кроме параметра «воссоединение семьи», составляющего 71 балл, то у Дании ни один из показателей не достигает высшего сектора шкалы, оставаясь преимущественно «умеренным» или «неблагоприятным» — к примеру, параметр «воссоединение семьи» составляет всего 25 баллов. При этом мигранты из «незападных» стран⁴ являются наиболее ограниченными в своих гражданских правах и наименее защищенными с точки зрения обеспечения их безопасности — в данной графе Дания набрала всего 17 из 100 баллов.

Европейский миграционный кризис 2015 г. можно охарактеризовать как «экзогенный шок» [1] для европейских национальных моделей иммиграционного контроля, когда перед перспективой размещения на своей территории беспрецедентно высокого числа беженцев государства стремились снизить свою «привлекательность» за счет ужесточения условий въезда в страну и снижения социального обеспечения. При этом ситуация с численностью иммигрантов в Дании снова оказалась противоположной Швеции. Наглядно это демонстрирует разница в заявках на предоставление убежища в обеих странах, которая с наибольшей очевидностью проявила себя в связи с увеличением миграционных потоков осенью 2015 г. В Швеции было зафиксировано около 163 000 прошений о предоставлении убежища (преимущественно беженцами из Сирии, Афганистана и Ирака), тогда как в Дании их число составило всего 20 825⁵. С началом нового миграционного кризиса 2022 г., вызванного вооруженными действиями на Украине, европейские страны приняли около 6 млн украинских беженцев. Из них 56 165 чел. приняла Швеция, 41 155 —

¹ Характерная для Скандинавских стран модель социального государства, учитывающая исторически сложившуюся для них этническую, лингвистическую, религиозную и культурную «однородность» общества.

² The Migrant Integration Policy Index. Sweden, 2020, *Migrant Integration Policy Index*, URL: <https://www.mipex.eu/sweden> (дата обращения: 10.04.2023).

³ The Migrant Integration Policy Index. Denmark, 2020, *Migrant Integration Policy Index*, URL: <https://www.mipex.eu/denmark> (дата обращения: 10.04.2023).

⁴ Согласно данным Министерства иммиграции и интеграции Дании, в перечень «незападных» стран включены все государства, кроме стран Евросоюза, Норвегии, Исландии, Андорры, Лихтенштейна, Монако, Сан-Марино, Швейцарии, Великобритании, Ватикана, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии: International Migration — Denmark, P. 15, 2022, *Ministry of Immigration and Integration*, URL: <https://uim.dk/media/11385/international-migration-denmark-2022.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

⁵ Asylum in the EU Member States, 2016, *Eurostat*, URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7921609/3-16032017-BP-EN.pdf/e5fa98bb-5d9d-4297-9168-d07c67d1c9e1> (дата обращения: 10.04.2023).

Дания¹. В результате, согласно данным последних опубликованных подсчетов, 25,9% от всего населения Швеции составляют лица, имеющие «иностранное происхождение» (*utländsk bakgrund*), — те, кто родился за границей или чьи родители имеют иностранное происхождение². В то же время в Дании доля «иммигрантов и их потомков»³ от общего населения страны составляет 15,4%, из которых 9,7% имеют «незападное» происхождение (самые крупные диаспоры происходят из Турции, Сирии, Украины и Ирака)⁴. Мусульманский миграционный фон значительной части населения Дании и Швеции оказал существенное влияние на формирование национальной идентичности их граждан. В то же время эффективной интеграции жителей этнических анклавов, представленных преимущественно иммигрантами «мусульманского происхождения», препятствуют социально-экономические, религиозные и ценностно-культурные факторы.

Столь существенная разница в подходах к реализации иммиграционной политики Дании и Швеции, несмотря на культурно-историческую общность и схожесть моделей социально-экономического развития, по мнению профессора университета Сёдертёрна Карин Бореви, объясняется различным подходом правящей политической элиты к пониманию того, как достигается социальная сплоченность [2, р. 364—388]. Датская политическая система, в особенности правоцентристская партийная коалиция, придерживается курса, в соответствии с которым национальное единство основывается на социальной «однородности». Шведские власти, напротив, исходят из положения, что государство обязано обеспечить эффективную культурную и социально-экономическую интеграцию представителей различных этнических групп в единый социум.

Теоретико-методологическая база исследования

В качестве теоретической основы исследования выступают работы, изучающие различные аспекты иммиграционной и интеграционной политики Дании [3; 4] и Швеции [5; 6], обзор которых позволяет составить обобщенную картину формирования политических моделей взаимодействия государства и общества с иммигрантами из «незападных стран», проанализировать эволюцию сегрегации этнических анклавов в этих странах. В данном контексте особый интерес представляет анализ роли религиозного фактора в формировании общественного отношения к иммигрантам «мусульманского происхождения» [7; 8]. Для раскрытия данного аспекта используются критический дискурс-анализ датского общественно-политического дискурса о мусульманских гетто [9—11] и широкие дискуссии о дискриминации мусульман в шведском обществе [12—14]. При этом дискурсы рассматриваются, в соответствии с теориями Н. Фейрклафа и М. Фуко, как эффект и инструмент интерпретации социальных практик, в данном случае отражают эволюцию иммиграционной политики. Современные исследователи отмечают, что миграционные процессы последних де-

¹ Ukraine Refugee Situation, 2023, *The Operational Data Portal*, URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/ukraine> (дата обращения: 20.06.2023).

² Befolkningsstatistik helåret, 2021, *Statistiska centralbyrån*, URL: <https://www.scb.se/hitta-statistik/statistik-efter-amne/befolkning/befolkningens-sammansattning/befolkningsstatistik/pong/statistiknyhet/befolkningsstatistik-helaret-20202/> (дата обращения: 10.04.2023).

³ Иммигрант — лицо, родившееся за границей. Потомок — лицо, родившееся в Дании, но ни один из его родителей не имеет датского происхождения и гражданства: International Migration — Denmark, P. 15, 2022, *Ministry of Immigration and Integration*.

⁴ Hvor mange og hvem er indvandrere i Danmark? 2023, *Det nationale Integrationsbarometer*, URL: <https://integrationsbarometer.dk/tal-og-analyser/INTEGRATION-STATUS-OG-UDVIKLING> (дата обращения: 10.04.2023).

сятилетий во многом повлияли на этнический и конфессиональный состав населения Скандинавских стран, а также на формирование гражданской датской [15; 16] и шведской [17; 20] идентичностей. Тем не менее сравнительный анализ государственных интеграционных стратегий Дании и Швеции представлен незначительным числом работ [21 — 27], преимущественно ориентированных на трансформацию иммиграционной политики Скандинавских стран вследствие миграционных кризисов.

Источниковая база исследования представлена правительственными стратегиями и государственными программами Дании и Швеции, предлагающими различные комплексы мер и инициатив противодействия сегрегации иммигрантских районов, а также статистическими данными о составе и конфессиональной принадлежности населения рассматриваемых стран.

Таким образом, цель исследования заключается в сопоставлении датской и шведской моделей политики противодействия процессам сегрегации в районах, преимущественно населенных иммигрантами и их потомками. Особое внимание уделяется значению и соотношению этнического и конфессионального факторов формирования иммигрантских анклавов, представляющих угрозу национальной сплоченности и территориальной целостности государств всеобщего благосостояния. На основе проведенного исследования предполагается проследить перспективы преемственности радикального датского подхода противодействия геттоизации шведской либеральной политической системой, ориентированной на культурное «разнообразие» современного общества.

Этнический критерий определения датских гетто

С 2001 по 2011 г. правительство Дании было представлено правоцентристской коалицией, в которой значимая роль принадлежала Датской народной партии (ДНП). Одним из главных направлений деятельности правительства такой политической ориентации стало ужесточение иммиграционной политики страны и регулирование механизмов интеграции иммигрантов западного происхождения в датское общество. Кроме того, эскалации ксенофобской риторики в социально-политической сфере во многом способствовала реакция на события 11 сентября 2001 г. Мусульманские иммигрантские анклавы в общественном сознании стали противопоставляться «датским культурным ценностям» [9, р. 319], таким как уважение законов демократического общества, равноправие всех граждан и ответственность за всеобщее благополучие.

В 2004 г. премьер-министр Дании Андерс Фог Расмуссен открыто объявил о борьбе с «иммигрантскими гетто» как результатом многолетней неудачной иммиграционной политики Дании [29]. Данное событие стало преддверием к публикации первого всеобъемлющего правительственного плана по ликвидации гетто — «Стратегии Правительства против геттоизации», в которой был изложен перечень мер по предотвращению возникновения гетто и решению ряда социальных проблем в восьми уже существующих иммигрантских районах¹. Прежде всего гетто характеризуется социальной изоляцией, препятствующей успешной интеграции иммигрантов. Правительство Дании выразило обеспокоенность тем, что если большинство жителей гетто составляют «безработные иммигранты и их потомки, то районы могут развиваться в настоящие этнические анклавы или параллельные общества без значительных экономических, социальных и культурных контактов с обществом»².

¹ Regeringens strategi mod ghettoisering, S. 16, 2004, *Ministeriet for Flygtninge, Indvandrere og Integration*, URL: <https://docplayer.dk/270581-Regeringens-strategi-mod-ghettoisering.html> (дата обращения: 10.04.2023).

² Ibid. S. 12.

Ожидалось, что одним из основных инструментов регулирования проблемы сегрегации иммигрантских общин станет изменение законодательства в отношении государственного жилищного сектора¹, где проживало большинство иммигрантов и их потомков. Правительственная жилищная инициатива 2004 г. по предотвращению геттоизации строилась на принципе более сбалансированного состава жителей неблагополучных районов². Однако предложенные меры были ориентированы на долгосрочную перспективу и оказались неэффективными для решения текущих проблем. В результате к 2010 г. число гетто возросло до 29 районов³. В связи со сложившейся ситуацией новая жилищная инициатива была направлена на сокращение сектора государственного жилья в гетто за счет сноса многоквартирных домов⁴. Такой подход должен был не только способствовать расселению иммигрантских семей в более благополучные районы, но и повысить привлекательность гетто для датчан при условии улучшения их инфраструктуры. Однако предпринятые действия также оказались недостаточными на фоне усиления территориального разделения датских городов и маргинализации жителей гетто.

Тем не менее планомерное ужесточение мер правоцентристского правительства Дании в иммиграционной политике позволило создать положительную динамику для незападных мигрантов и их потомков на рынке труда, повысив их уровень занятости на 10 %⁵. Важным аспектом правительственной стратегии противодействия геттоизации стала работа с молодежью и детьми иммигрантов в сфере образования. Особое внимание было уделено языковой адаптации детей из иммигрантских семей, достигших трехлетнего возраста. В частности, невыполнение родителями требования, чтобы их ребенок посещал государственные учебные заведения, стало законным основанием для прекращения выплаты семейного пособия и назначения административного штрафа. Меры по снижению преступности среди молодежи предполагали изъятие из семей под государственную опеку несовершеннолетних, совершивших правонарушение или имеющих проблемы с социальной адаптацией⁶. Важно отметить, что данные меры не просто носят рекомендательный характер, но должны быть приведены в исполнение силами полиции.

В новой правительственной стратегии 2010 г. «Гетто возвращается в общество. Борьба с параллельным обществом в Дании» впервые было опубликовано точное определение гетто, согласно которому это жилой район с населением не менее 1000 человек, проживающих в государственном жилом секторе, и соответствующий как минимум двум из трех критериев⁷:

- доля иммигрантов и их потомков из западных стран превышает 50 %;
- доля лиц в возрасте 18—64 лет, не связанных с рынком труда или сферой образования, превышает 40 %;

¹ Дания располагает одним из крупнейших государственных жилищных секторов в Европе: на его долю приходится около 22 % жилья, находящегося в ведомстве жилищных ассоциаций и муниципалитетов. Social rental housing stock, 2020, *The OECD Affordable Housing Database*, URL: <https://www.oecd.org/els/family/PH4-2-Social-rental-housing-stock.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

² Regeringens strategi mod ghettoisering, S. 9, *Ministeriet for Flygtninge, Indvandrer og Integration*.

³ *Ghettoen tilbage til samfundet. Et opgør med parallelsamfund i Danmark*, S. 5, 2010, *Regeringen*, URL: <https://www.regeringen.dk/aktuelt/tidligere-publikationer/ghettoen-tilbage-til-samfundet/> (дата обращения: 10.04.2023).

⁴ Ibid. S. 6.

⁵ Ibid. S. 19.

⁶ Ibid. S. 24.

⁷ Ibid. S. 37.

— количество лиц, осужденных за уголовные правонарушения на 10 000 жителей, превышает 270 чел.

Дания первая из европейских стран применила в правительственных документах и статистических отчетах миграционных ведомств термины «иммигранты и их потомки» и «незападные страны» для анализа изменений в миграционной картине внутри страны [26, р. 13]. Кроме того, впервые был введен этнический критерий для определения гетто, которое напрямую стало ассоциироваться с иммигрантами и их потомками из мусульманских стран¹. За десятилетие активного антииммигрантского общественно-политического дискурса жители гетто стали восприниматься обезличенными «другими» для датской культуры. Основными критериями для определения «другого» стали этническая и конфессиональная принадлежность, противопоставленные «датской идентичности» [15, р. 473] — концепту, подразумевающему единый датский язык, культуру и религию. Несмотря на то что религия для большинства современных датчан не является существенной частью жизни — 68 % населения Дании идентифицируют себя в качестве атеистов², она по-прежнему остается важной частью гражданской идентичности: 75 % датчан — члены государственной евангелической лютеранской церкви³.

Современные мусульманские «параллельные общества» в Дании

Формирование социал-демократического правительства в 2011 г. внесло определенные коррективы в интеграционную политику Дании, отразившиеся в новом стратегическом плане 2013 г. «Уязвимые жилые районы — следующие шаги»⁴. Принятию данной правительственной стратегии предшествовал инцидент с отказом администрации города Коккедаля от установки рождественской елки, что было связано с дилеммой прав мусульманских и датских меньшинств в демократическом обществе. Широкий общественный резонанс, вызванный рождественскими событиями 2012 г., продемонстрировал неприятие этноконфессиональных гетто в Дании не только со стороны датской общественности, но и среди тех мусульман, которые, несмотря на иммигрантское происхождение, успешно интегрировались в культурно-ценностную систему демократического общества [10, с. 63].

Новое правительство не поддержало ряд прежних инициатив правоцентристской коалиции, в числе которых ведущая роль этнического критерия при определении сегрегированного района и применение к нему термина «гетто» в официальном политическом дискурсе [11, с. 164], однако антииммигрантская риторика сохранилась. При этом в определении теперь уже «уязвимого жилого района» (*udsatte boligområder*) были включены два дополнительных критерия: «образование» и «доход», связанные с наличием профессионального образования менее чем у 60 % жителей в возрасте от 30 до 59 лет и уровнем налогооблагаемого дохода у лиц старше

¹ Самой многочисленной диаспорой иммигрантов является турецкая. Численность иммигрантов и их потомков с турецким происхождением составила 8,8 % к 2016 г.: International Migration — Denmark, P. 15, 2015, *The Ministry of Immigration, Integration and Housing*, URL: <https://integrationsbarometer.dk/tal-og-analyser/filer-tal-og-analyser/arkiv/internationalmigrationdenmark20151.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

² Most Atheist Countries, 2022, *The Muslim Times*, URL: <https://themuslimtimes.info/2022/09/01/most-atheist-countries-2022/> (дата обращения: 10.04.2023).

³ Religion in Denmark. Religion and Identity, 2022, *Ministry of Foreign Affairs of Denmark*, URL: <https://www.denmark.dk/people-and-culture/religion> (дата обращения: 10.04.2023).

⁴ Udsatte boligområder — de næste skridt : regeringens udspil til en styrket indsats, 2013, *Regeringen*, URL: <https://bibliotek.dk/da/moreinfo/netarchive/870970-basis%253A50757811> (дата обращения: 10.04.2023).

15 лет менее 60 % от среднего валового дохода в регионе¹. Кроме того, с упразднением Министерства по делам беженцев, иммигрантов и интеграции² произошла децентрализация интеграционной политики на национальном уровне [3, с. 102].

Усиление позиции Датской народной партии (ДНП) на парламентских выборах 2015 г. и европейский миграционный кризис позволили правоцентристской коалиции предложить к обсуждению новый стратегический план противодействия геттоизации «Дания без параллельных обществ — без гетто в 2030 году»³, ставший наиболее радикальным подходом датских властей к решению проблемы сегрегации мусульманских меньшинств. Ужесточение иммиграционной и интеграционной политики способствовало замедлению притока новых беженцев и мигрантов, позволив датским властям обратить основное внимание на интеграцию западных мигрантов, проживающих в гетто.

Изменения в интеграционной политике в очередной раз коснулись определения гетто, разделив неблагополучные районы на три категории: «уязвимые жилые районы», «гетто» и «жесткие гетто» (*hårde ghetto*). Для того чтобы район считался «уязвимым», ему достаточно соответствовать двум из пяти критериев: «50 % населения составляют иммигранты и их потомки из западных стран», «трудоустройство», «правонарушения», «образование», «доход»⁴. Чтобы перейти в категорию «гетто», район должен соответствовать дополнительному критерию, например если доля иммигрантов превышает 60 % или повышен уровень преступности. Если жилой район в течение 4 лет идентифицируется как гетто, он автоматически переходит в категорию «жесткое гетто». Данный подход вновь подчеркнул этническую принадлежность в качестве ключевого критерия определения гетто и акцентировал внимание на неудачах интеграционной политики, проводимой датскими властями в течение последних десятилетий.

Среди правительственных мер по ликвидации гетто 2018 г. наиболее значимыми стали лишение жителей гетто права на участие в программе воссоединения семей; снижение социальных пособий в случае переезда в «жесткое гетто»; более высокие штрафы за правонарушения; усиленное присутствие полиции; обязательство муниципалитетов сократить государственный жилой сектор до 40 %⁵. Практически все меры были законодательно утверждены. Однако кульминацией новой иммиграционной политики стало смещение акцента с «интеграции» на «репатриацию» беженцев и иммигрантов, совершающих правонарушения [4, с. 173].

Жесткая антииммигрантская политика датских властей вызвала негативную реакцию среди европейской общественности⁶. При этом миграционная политика ЕС также вызывает все больше критики. *Мортен Лисборг — датский независимый эксперт по вопросам миграции, по мнению которого нынешняя миграционная парадигма «доказала свою несостоятельность и нефункциональность и в перспекти-*

¹ Udsatte boligområder — de næste skridt : regeringens udspil til en styrket indsats, 2013, *Regeringen*, S. 5. URL: <https://bibliotek.dk/da/moreinfo/netarchive/870970-basis%253A50757811> (дата обращения: 10.04.2023).

² Министерство по делам беженцев, иммигрантов и интеграции (Ministeriet for flygtninge, indvandrere og integration) было создано в 2001 г. и упразднено в 2011 г. с формированием левоцентристского социал-демократического правительства.

³ Èt Danmark uden parallelsamfund — Ingen ghettoer i 2030, 2018, *Regeringen*, URL: https://oim.dk/media/19035/et_danmark_uden_parallelsamfund_pdfa.pdf (дата обращения: 11.04.2023).

⁴ Ibid. S. 11.

⁵ Ibid. S. 13.

⁶ Например: An Island for 'Unwanted' Migrants Is Denmark's Latest Aggressive Anti-Immigrant Policy, 2018, *TIME*, URL: <https://time.com/5504331/denmark-migrants-lindholm-island/> (дата обращения: 11.04.2023).

ве станет реальной угрозой внутренней безопасности и стабильности в Европе»¹, обозначает ее основные векторы: 1) страны чаще заняты не урегулированием мер препятствования пересечению границ мигрантами, а спасением беженцев и 2) распределение квот на размещение мигрантов по странам ЕС. Большое количество важных вопросов остается без ответа. Одна из наиболее острых проблем связана с депортацией мигрантов, которым отказано в пребывании в странах ЕС: депортируют только около 50 % тех, в отношении которых принято решение, — таким образом, значительное количество мигрантов остается в странах ЕС нелегально или в ожидании высылки. Кроме того, траты на депортацию не оправдывают себя. Так, согласно докладу М. Лисборга, депортация мигранта обходится примерно в 4 тыс. евро. Однако эксперты признают, что выслать всех, кому отказано в пребывании, задача нерешаемая. Потому некоторые считают, что эти средства с большей пользой можно потратить на улучшение условий жизни в тех регионах, в которые массово прибывают мигранты. Вряд ли такая мера существенно улучшит ситуацию, и дискуссии скорее отражают сложность ситуации и даже некоторый тупик. Траты стран — членов ЕС на решение миграционных проблем очень высоки и становятся существенным бременем. Так, Швеция тратит на просителей убежища и беженцев в среднем 6 тыс. евро в год, что сопоставимо с общим бюджетом Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев².

Тем не менее антииммигрантская политика Дании привела к позитивной динамике снижения числа сегрегированных районов, что отразилось в «списках гетто», ежегодно публикуемых с 2010 г. Так, если в 2018 г. в Дании насчитывалось 29 гетто, то в 2019 г. их число составило 28³, а в 2020 г. сократилось до 15⁴. Столь существенные показатели правительство объясняло такими положительными факторами, как снижение доли иммигрантов среди населения, повышение уровня их доходов и образования.

Преемственность в проведении жесткой политики ДНП в отношении иммигрантов [28, с. 44] после парламентских выборов 2019 г., когда ДНП получила поражение от коалиции социал-демократической и либерально-консервативной партий, позволила сохранить положительную динамику в борьбе с этноконфессиональными анклавами. Согласно декабрьским спискам «параллельных обществ» (до 2021 г. — «список гетто»), число таких районов сократилось до 12 в 2021 г. и до 10 в 2022 г.⁵ Кроме того, в 2021 г. была опубликована новая правительственная инициатива «Смешанные жилые районы — следующий шаг в борьбе с параллельными обществами», в которой изложен проект формирования «смешанных городов» (*blandede byer*)⁶, предполагающий совместное проживание людей, несмотря на их экономические, социальные и этнические различия.

¹ Миграционная политика ЕС — это катастрофа, 2023, *ИноСМИ*, URL: <https://inosmi.ru/20170403/239022762.html> (дата обращения: 16.12.2023).

² Ibid.

³ Liste over ghettområder pr. 1. december 2019, 2019, *Regeringen*, URL: <https://www.regeringen.dk/media/7698/ghettolisten-2019-007.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

⁴ Liste over ghettområder pr. 1. december 2020, 2020, *Regeringen*, URL: https://im.dk/Media/637589266252595089/haarde-ghettomraader-2020ny_final-a.pdf (дата обращения: 10.04.2023).

⁵ Liste over parallelsamfund pr. 1. december 2022. URL: <https://im.dk/Media/638054017996341610/Parallelsamfundslisten%202022.pdf> (дата обращения: 11.04.2023).

⁶ Blandede boligområder — næste skridt i kampen mod parallelsamfund, S. 8, 2021, *Regeringen*, URL: https://im.dk/Media/8/4/Pjece_Blandede%20boligomr%C3%A5der.pdf (дата обращения: 11.04.2023).

В декабре 2022 г. была опубликована «Политическая основа правительства Дании», в которой обозначен курс датских властей на «строгую, ответственную и последовательную иммиграционную политику, где будет контролироваться количество беженцев и иммигрантов, прибывающих в Данию. Крайне важно, чтобы Дания контролировала приток мигрантов в нашу страну, чтобы у нас по-прежнему была возможность обеспечить надлежащую интеграцию и не ослабить сплоченность в Дании»¹. В документе отражена преемственность инициативы по ликвидации этноконфессиональных «параллельных обществ» к 2030 г., которые по-прежнему позиционируются как угроза датскому обществу. Особое внимание при этом уделено тому, что «Дания — христианская страна, и Датская евангелическо-лютеранская церковь имеет особый статус национальной церкви. Правительство сохранит этот особый статус»². Таким образом, несмотря на свободу вероисповедания в демократическом обществе, датское правительство подчеркивает значимость национальной религии для формирования гражданской самоидентификации датчан. Такой подход к консолидации датского общества является существенным препятствием на пути интеграции иммигрантов-мусульман, для которых религия имеет центрирующую роль в идентичности.

Этнический и социально-экономический аспекты сегрегации «уязвимых районов» Швеции

Антииммиграционная политика Дании привлекла к себе пристальное внимание мировой общественности, вызвав не только критику предпринимаемых действий в отношении иммигрантов и беженцев, но и продемонстрировав ценный опыт решения проблемы сегрегации этноконфессиональных анклавов. Не разделяя жестких мер Дании по урегулированию проблем, связанных с «параллельными обществами», шведское правительство также стремилось найти пути преодоления сегрегации в обществе.

Этническая сегрегация иммигрантских районов как социально-экономическая и демографическая проблема была впервые официально заявлена в Швеции в середине 1990-х гг. В период 1995—1999 гг. действовала правительственная программа «Blommanpengarna», нацеленная на сокращение сегрегации этнических анклавов в 8 муниципалитетах Стокгольма путем вовлечения безработных иммигрантов на рынок труда³. Кроме того, данная программа заключала в себе меры по противодействию этнической дискриминации и социальной интеграции женщин из иммигрантских семей «мусульманского происхождения». К тому времени глобализация ислама уже привела к возникновению «неэтнического» феномена, согласно которому иммигранты из стран с преобладающей мусульманской культурой воспринимались западным обществом как «мусульмане» не в плане их религиозной принадлежности, а скорее в качестве обобщенной «этнической группы» [13, с. 117].

Дальнейшие государственные инициативы были отражены в программе «Storstadssatsningen» 1999—2004 гг., согласно которой 7 муниципалитетов с 24 районами подписали договоры сотрудничества в рамках местного развития с прави-

¹ Ansvar for Danmark. Det politiske grundlag for Danmarks regering, S. 44, 2022, *Regeringen*, URL: <https://www.stm.dk/statsministeriet/publikationer/regeringsgrundlag-2022/> (дата обращения: 11.04.2023).

² Ibid. S. 51.

³ Vad hände med “Blommanpengarna”? S. 9, 2000, *Integrationsverkets*, URL: <https://mkcentrum.se/wp-content/uploads/2019/05/blommanslut.pdf> (дата обращения: 11.04.2023).

тельственными структурами¹. В общественно-политическом дискурсе такие районы преимущественно обозначались как «населенные иммигрантами», «уязвимые» или «районы аутсайдеров» [18, s. 15—38]. Новая программа послужила основой для дальнейших правительственных мер, принимаемых с 2008 по 2014 г. и нацеленных на совершенствование институциональных структур сегрегированных районов в сферах трудоустройства, образования и безопасности. Основные правительственные инициативы по противодействию сегрегации были направлены на координацию совместных действий с муниципалитетами по снижению социально-экономической уязвимости сегрегированных районов. Число таких районов к 2010 г. возросло до 38², а их определение стало соответствовать четко обозначенным критериям:

- уровень занятости среди населения ниже 52 %;
- долгосрочное социальное обеспечение выше 4,8 %;
- наличие среднего образования менее чем у 70 % жителей.

Перечень критериев определения сегрегированного района, заявленный шведскими властями, в некоторой степени соотносится с датскими индикаторами гетто, опубликованными в 2010—2013 гг. Однако в шведском варианте отсутствует критерий «правонарушения». Кроме того, прослеживается тенденция, в соответствии с которой в шведских программных документах о противодействии сегрегации исчезает этноконфессиональный фактор, тогда как в Дании этническая принадлежность становится ключевым показателем «уязвимого района». Таким образом, вследствие смены шведской официальной риторики в отношении иммигрантских анклавов сегрегация стала обозначаться не как этническая, а как социально-экономическая. Тем не менее отсутствие обозначенных критериев в правительственных документах компенсируется данными, предоставленными ведомствами полиции.

Статистика и рекомендации Национального оперативного управления полиции Швеции по снижению социальных рисков и совершаемых правонарушений в сегрегированных районах отображены в отчетах для шведского правительства, официально публикуемых с 2015 г. Согласно официальному определению, «уязвимым районом» (*utsatt område*) является «географически обособленная территория, характеризующаяся низким социально-экономическим статусом, местное население которой находится под влиянием преступных группировок»³. Основными критериями для выявления территорий с низкой степенью социальной и экономической защищенности являются наличие:

- параллельных социальных структур;
- экстремизма (систематических нарушений свободы вероисповедания или сильного фундаменталистского влияния, ограничивающего свободы и права людей);
- жителей, периодически покидающих территорию Швеции для участия в боевых действиях в зонах конфликтов [30];
- развитой криминальной структуры.

Аналогично с датским подходом к разделению иммигрантских гетто на три категории, сформированном вследствие ужесточения иммиграционной политики после 2015 г., в отчетах шведской полиции отражена градация степени «уязвимо-

¹ Regeringens långsiktiga strategi för att minska och motverka segregation, S. 12, 2018, *Regeringen*, URL: <https://docplayer.se/106979329-Regeringens-langsigktiga-strategi-for-att-minska-och-motverka-segregation.html> (дата обращения: 11.04.2023).

² Ibid. S. 12.

³ Lägesbild över utsatta områden. Regeringsuppdrag 2021, S. 7, 2021, *Polismyndigheten*, URL: https://polisen.se/siteassets/dokument/ovriga_rapporter/lagesbild-over-utsatta-omraden-2021.pdf/download (дата обращения: 07.04.2023).

сти» неблагополучных районов. Частичное соответствие представленным критериям переводит сегрегированные районы в категорию «зоны риска» (*riskområde*), а полное соответствие в «особо уязвимый район» (*särskilt utsatt område*). Чувство незащищенности у жителей «параллельных обществ» как правило выражается в их нежелании принимать участие в судебной системе Швеции во избежание актов насилия в отношении свидетелей и осведомителей. При этом у полиции зачастую отсутствует физический доступ в данные районы и возможность реализовывать собственные задачи.

Влияние датской модели противодействия геттоизации на трансформацию интеграционной политики Швеции

Вследствие миграционного кризиса 2015 г. Швеция постепенно стала переориентироваться на датскую модель противодействия процессам сегрегации иммигрантских районов. В шведском обществе широкое распространение получила дискуссия об определении «шведской идентичности», одним из показателей которой является конфессиональная принадлежность. Как и в Дании, среди шведов наблюдается значительное число атеистов — около 78 % населения страны¹, тем не менее 53 % шведов причисляют себя к шведской лютеранской церкви, предпочитая выражать приверженность религии как культурной традиции². В то же время свыше 1/5 иммигрантов имеют «мусульманское происхождение» и «считаются в Швеции наименее адапtableбными к интеграции в западное общество» [6, с. 44]. С ростом численности мусульманских диаспор в шведском обществе возросли тенденции национализма, проявления этнической дискриминации и ксенофобии [5, р. 119]. Ситуация во многом усложняется «неоднородностью» и децентрализацией шведских мусульман, вызванными языковыми, культурными, богословскими и политическими разногласиями внутри многонациональных иммигрантских общин.

В рамках сотрудничества шведских мусульманских организаций был подготовлен отчет для Комитета по ликвидации расовой дискриминации при ООН, в котором была констатирована неспособность шведского правительства решить проблему сложившейся в шведском обществе исламофобии и защиты прав шведских мусульман [12, р. 8]. В частности, праворадикальная националистическая партия «Шведские демократы», входящая в Риксдаг по итогам парламентских выборов 2010 г. и следующая линии ужесточения иммиграционной политики, в отчете была открыто названа «исламофобской» [12, р. 2]. Политическая обстановка в стране во многом способствовала формированию стереотипа об угрозе шведским демократическим ценностям со стороны иммигрантов «мусульманского происхождения», численность которых в Швеции, по разным подсчетам, может достигать 14 % от религиозного населения страны [19, с. 101].

Изменения в интеграционной политике в связи с увеличением численности иммигрантов отразились в «Долгосрочной стратегии правительства по сокращению и противодействию сегрегации» 2018 г. В основу обновленной стратегии легла «Долгосрочная программа реформ по снижению сегрегации на 2017—2025 гг.»³, предложенная правительством, возглавленным премьер-министром Стефаном Лёвеном и

¹ Most Atheist Countries, 2022, *The Muslim Times*, URL: <https://themuslimtimes.info/2022/09/01/most-atheist-countries-2022/> (дата обращения: 10.04.2023).

² Religion in Sweden, 2021, *Svenska institutet*, URL: <https://sweden.se/life/society/religion-in-sweden> (дата обращения: 10.04.2023).

³ Långsiktigt reformprogram för minskad segregation år 2017—2025, 2016, *Regeringen*, URL: <https://www.regeringen.se/contentassets/94760eec95e04a45b0a1e462368b0095/langsiktigt-reformprogram-for-minskad-segregation-ar-2017-2025.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

представленным коалицией социал-демократов и партией зеленых. Данные реформы были нацелены на социально-экономическое улучшение положения уязвимых районов и структурную ликвидацию механизмов сегрегации.

В новой стратегии для обозначения «уязвимых районов» используется термин «район с социально-экономическими проблемами» (områden med socioekonomiska utmaningar)¹. Согласно актуальным данным шведской полиции, число таких районов в Швеции постепенно возрастает: с 53 в 2015 г. до 61 в 2021 г. с населением около 550 000 чел.². Смена акцента в правительственной риторике с этнической сегрегации на социально-экономическую во многом обусловлена усилением последней и фактическим отсутствием изменений в этническом составе уязвимых районов. В то же время в представленном документе отмечается укрепление связи между социально-экономической и этнической сегрегацией, поскольку концентрация лиц с низким доходом в «уязвимых районах» совпадает с концентрацией лиц, имеющих неевропейское происхождение³. По аналогии с ситуацией в Дании несбалансированный состав жителей неблагополучных районов и сопутствующее этому усиление экономического неравенства выступают основной причиной усиления процессов сегрегации в Швеции.

В стратегии обозначены пять основных критериев, усугубляющих сегрегацию. В первую очередь это проблема нехватки жилья и провал политики «Eget boende» (ЕВО) — самостоятельного расселения иммигрантов и беженцев, что с наибольшей очевидностью проявило себя вследствие миграционного кризиса 2015 г. В начале 2019 г. при формировании С. Лёвеном второй правительственной коалиции социал-демократов и партии зеленых, к которым присоединились либералы и Партия центра, был внесен проект реформирования рынка жилья и согласовано «предоставление возможности муниципалитетам ограничивать ЕВО в районах с социально-экономическими проблемами»⁴. Согласно второму критерию реформы в сфере образования привели к «школьной сегрегации», вызванной усилением концентрации в бесплатных образовательных учреждениях детей и молодежи из неблагополучных семей «иностранного происхождения», тогда как опыт Дании показывает, что число учащихся из неблагополучных районов не должно превышать 30 %⁵. В то же время уровень образования непосредственно влияет на третий критерий — трудоустройство, так как социально-экономическая сегрегация имеет очевидную связь с положением людей на рынке труда. Помимо безработицы отсутствие образования у большого числа иммигрантов указывает на четвертый критерий, связанный с низким уровнем демократического участия в гражданском обществе. Подобное демократическое отчуждение жителей уязвимых районов⁶ подрывает их доверие к социальным и политическим институтам и является одним из факторов образования и успешного функционирования параллельных социальных и правовых структур в «уязвимых районах». Таким образом, пятый критерий — преступность — складывается из совокупности предыдущих неблагоприятных факторов. Развитые

¹ Regeringens långsiktiga strategi för att minska och motverka segregation, S. 11, 2018, *Regeringen*.

² Lägesbild över utsatta områden. Regeringsuppdrag, 2021, S. 14–18.

³ Regeringens långsiktiga strategi för att minska och motverka segregation, S. 15.

⁴ Sakpolitisk överenskommelse mellan Socialdemokraterna, Centerpartiet, Liberalerna och Miljöpartiet de gröna, par. 43, 2019, *Socialdemokraterna*, URL: <https://www.socialdemokraterna.se/download/18.1f5c787116e356cdd25a4c/1573213453963/Januariavtalet.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

⁵ Ét Danmark uden parallelsamfund — Ingen ghettoer i 2030. København: Økonomi-og Indenrigsministeriet. S. 8.

⁶ Regeringens långsiktiga strategi för att minska och motverka segregation. S. 36.

криминальные структуры и сети их сотрудничества способствуют усилению исламистской радикализации [31, s. 40], которой прежде всего подвержены иммигранты в первом и втором поколениях.

В настоящее время в Швеции прослеживается тенденция заимствования опыта Дании в противодействии сегрегации этноконфессиональных районов. В частности, в 2021 г. Партия либералов, возглавляемая на тот момент бывшим министром интеграции Ньямко Сабуни, обозначила необходимость реформирования шведского иммиграционного и интеграционного законодательства и по аналогии с датской правительственной стратегией 2018 г. предложила план «Förortsllyftet»¹, нацеленный на ликвидацию «параллельных обществ» к 2030 г. Одним из ключевых аспектов решения проблемы заявлена необходимость преодоления этнической, гендерной и религиозной дискриминации², широко распространенной в различных социальных сферах шведского общества и значительным образом препятствующей эффективной интеграции иммигрантов западного происхождения.

Заключение

Исторически обусловленное сходство социального и экономического развития Дании и Швеции привело оба государства к проблеме существования на их территории «параллельных обществ», сегрегированных по этноконфессиональному признаку. Однако подходы датского и шведского правительств к решению данной проблемы во многом являются противоположными. Дания придерживается антииммиграционного политического курса, нацеленного на культурную ассимиляцию иммигрантов по «датским стандартам» единого языка, религии и культуры, сокращение притока новых мигрантов в страну и репатриацию лиц, показавших свою неспособность адаптироваться к датскому демократическому обществу. Швеция отдает предпочтение политике культурного «разнообразия», направленной на сохранение этнических идентичностей и культурных традиций граждан иностранного происхождения, составляющих уже более четверти населения страны. Однако для обеих стран характерно, что постепенно этнический и конфессиональный аспекты стали позиционироваться как аналогичные понятия в культурном контексте и слились в единый этноконфессиональный фактор, формирующий в общественном сознании образ иммигранта западного происхождения, противопоставленного окружающему обществу.

Ужесточение иммиграционной политики Дании, планомерно проводимое с 2004 г. в несколько этапов, доказало свою эффективность в сокращении численности неблагополучных районов, несмотря на неоднозначность и широкую критику применяемых мер в европейском сообществе. В то же время прослеживаются негативные последствия чрезмерных ограничений в отношении иммигрантов, проявившиеся в обострении антимусульманского дискурса и маргинализации жителей гетто, представленных преимущественно иммигрантами «мусульманского происхождения». С другой стороны, либеральной Швеции также не удалось избежать культурной сегрегации и появления в обществе стереотипного восприятия «уязвимых районов» в качестве мусульманских анклавов, противопоставленных западным ценностям и подрывающих основы безопасного и свободного демократического общества.

¹ En plan för att Sverige inte ska ha några utsatta områden år 2030, 2021, *Förortsllyftet*, URL: <https://www.liberalerna.se/wp-content/uploads/forortsllyftet-hela.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

² Ibid. S. 41.

В Швеции проблема сегрегации районов с социально-экономическими проблемами занимает одно из первых мест в политической повестке дня. Но если в Дании гетто определяются в первую очередь этническим составом жителей, то в Швеции данный критерий исключен из спектра причин социально-экономического неблагополучия уязвимых районов. Тем не менее этнический и конфессиональный факторы открыто или имплицитно присутствуют в интеграционных моделях обеих стран. В частности, это подтверждается важностью религиозного аспекта в формировании концепций гражданской идентичности в Дании и Швеции.

В итоге Швеция, ориентируясь на датскую иммиграционную и интеграционную политику в построении собственных программ противодействия сегрегации, имеет возможность проанализировать позитивный и негативный опыт Дании в данной сфере и применить к собственной модели наиболее уместные в шведском контексте схемы противодействия сегрегации и сопутствующим ей проблемам.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00374 «Религия как фактор адаптации и интеграции (им)мигрантов: на примере стран Балтийского региона».

Список литературы

1. Hagelund, A. 2020, After the refugee crisis: public discourse and policy change in Denmark, Norway and Sweden, *Comparative Migration Studies*, vol. 8, № 13, <https://doi.org/10.1186/s40878-019-0169-8>
2. Borevi, K. 2017, Diversity and Solidarity in Denmark and Sweden, In: Banting, K., Kymlicka, W. (eds.), *The Strains of Commitment: The Political Sources of Solidarity in Diverse Societies*, Oxford University Press, p. 364—388, <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198795452.003.0013>
3. Капицын, В. М., Магомедов, А. К., Шапаров, А. Е. 2022, Иммиграционная политика и интеграция мигрантов в Королевстве Дания в начале XXI века, *Балтийский регион*, т. 14, № 2, с. 98—114, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-7>
4. Shapiro, D., Jørgensen, R. E. 2021, 'Are we going to stay refugees?' Hyperprecarious Processes in and Beyond the Danish Integration Programme, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 11, № 2, p. 172—187, <https://doi.org/10.33134/njmr.151>
5. Isaksen, J. V. 2020, The Framing of Immigration and Integration in Sweden and Norway: A Comparative Study of Official Government Reports, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 10, № 1, p. 106—124, <https://doi.org/10.2478/njmr-2019-0033>
6. Гришин, И. В. 2019, Интеграция иммигрантов в Швеции (социально-политический аспект), *Южно-Российский журнал социальных наук*, т. 20, № 1, с. 40—56, <https://doi.org/10.31429/26190567-20-1-40-56>
7. Anderson, J., Antalíková, R. 2014, Framing (implicitly) matters: The role of religion in attitudes toward immigrants and Muslims in Denmark, *Scandinavian Journal of Psychology*, vol. 55, № 6, p. 593—600, <https://doi.org/10.1111/sjop.12161>
8. Гаджимурадова, Г. И. 2019, Миграционная политика стран Северной Европы в отношении иммигрантов из мусульманских стран (на примере Швеции и Финляндии), *Исламоведение*, т. 10, № 2, с. 5—21, <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2019-10-2-5-21>
9. Schmidt, G. 2022, What Is in a Word? An Exploration of Concept of 'the Ghetto' in Danish Media and Politics 1850—2018, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 12, № 3, p. 310—325, <https://doi.org/10.33134/njmr.365>
10. Талалаева, Е. Ю., Пронина, Т. С. 2020, Этноконфессиональные иммигрантские гетто как проблема национальной безопасности в современном общественно-политическом дискурсе Дании, *Балтийский регион*, т. 12, № 3, с. 55—71, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-4>

11. Freiesleben, A. M. 2016, *Et Danmark af parallelsamfund: Segregering, ghettoisering og social sammenhængskraft: Parallelsamfundet i dansk diskurs 1968—2013 — fra utopi til dystopi*. København: Københavns Universitet, Det Humanistiske Fakultet, URL: https://static-curis.ku.dk/portal/files/160573902/Ph.d._2016_Freiesleben.pdf (дата обращения: 20.06.2023).
12. Hübinette, T., Abdullahi, M. (eds.). 2018, *Swedish Muslims in Cooperation Network Alternative Report*, Stockholm.
13. Талалаева, Е. Ю., Пронина, Т. С. 2021, Социально-политический аспект шведского исламизма как фактор формирования этноконфессионального «параллельного общества», *Балтийский регион*, т. 13, № 4, с. 111—128, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-7>
14. Bursell, M. 2021, Perceptions of discrimination against Muslims. A study of formal complaints against public institutions in Sweden, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 47, № 5, p. 1162—1179, <https://doi.org/10.1080/1369183x.2018.1561250>
15. Kærgård, N. 2010, Social cohesion and the transformation from ethnic to multicultural society: The Case of Denmark, *Ethnicities*, vol. 10, № 4, p. 470—487, <https://doi.org/10.1177/1468796810378323>
16. Jensen, T. G. 2018, To Be ‘Danish’, Becoming ‘Muslim’: Contestations of National Identity?, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 34, № 3, p. 389—409, <https://doi.org/10.1080/13691830701880210>
17. Willander, E. 2019, *The Religious Landscape of Sweden — Affinity, Affiliation and Diversity in the 21st Century*, Stockholm.
18. Hedman, L., Andersson, R. 2015, Etnisk segregation och inkomstsegregation i Sveriges tio största arbetsmarknadsregioner 1990—2010, In: Andersson, R., Bengtsson, B., Myrberg, G. (eds.), *Mångfaldens dilemma: Boendesegregation och områdespolitik*, Malmö: Gleerups Utbildning AB, p. 15—38.
19. Агафшин, М. М., Горохов, С. А. 2020, Влияние внешней миграции на формирование конфессиональной структуры населения Швеции, *Балтийский регион*, т. 12, № 2, с. 84—99, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-6>
20. Borell, K., Gerdner, A. 2013, Cooperation or Isolation? Muslim Congregations in a Scandinavian Welfare State: A Nationally Representative Survey from Sweden, *Review of Religious Research: The Official Journal of the Religious Research Association*, vol. 55, № 4, p. 557—571, <https://doi.org/10.1007/s13644-013-0108-3>
21. Hernes, V. 2018, Cross-national convergence in times of crisis? Integration policies before, during and after the refugee crisis, *West European Politics*, vol. 41, № 6, p. 1305—1329, <https://doi.org/10.1080/01402382.2018.1429748>
22. Bech, E. C., Borevi, K., Mouritsen, P. 2017, ‘A “Civic Turn” in Scandinavian Family Migration Policies? Comparing Denmark, Norway and Sweden, *Comparative Migration Studies*, vol. 5, № 7, <https://doi.org/10.1186/s40878-016-0046-7>
23. Naper, A. A. 2022, Compassionate Border Securitisation? Border Control in the Scandinavian News Media during the ‘Refugee Crisis’, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 12, № 1, p. 4—20, <https://doi.org/10.33134/njmr.494>
24. Dora, Z. K., Erdoğan, Z. 2021, The Defeat of Multiculturalism over Nationalism and Religion: Transformation of Immigration Policies in Denmark and Sweden, *Hitit İlahiyat Dergisi*, vol. 20, № 2, p. 517—546, <https://doi.org/10.14395/hid.980405>
25. Myrberg, G. 2017, Local challenges and national concerns: municipal level responses to national refugee settlement policies in Denmark and Sweden, *International Review of Administrative Sciences*, vol. 83, № 2, p. 322—339, <https://doi.org/10.1177/0020852315586509>
26. Staver, A. B., Brekke, J.-P., Søholt, S. 2019, *Scandinavia’s segregated cities — policies, strategies and ideals*, Oslo Metropolitan University.
27. Jensen, T. G., Söderberg, R. 2021, Governing urban diversity through myths of national sameness — a comparative analysis of Denmark and Sweden, *Journal of Organizational Ethnography*, vol. 11, № 1, p. 5—19, <https://doi.org/10.1108/JOE-06-2021-0034>
28. Плевако, Н. С. 2019, Парламентские выборы в Дании, *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, т. 9, № 3, с. 42—48, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran320194247>
29. Rasmussens, A. F. 2004, Statsminister Anders Fogh Rasmussens Nytårstale 1. januar 2004, *Statsministeriet*, URL: <https://www.regeringen.dk/aktuelt/statsministerens-nytaarstale/anders-fogh-rasmussens-nytaarstale-1-januar-2004/> (дата обращения: 20.06.2023).

30. Gustafsson, L., Ranstorp, M. 2017, *Swedish Foreign Fighters in Syria and Iraq: An Analysis of Open-Source Intelligence and Statistical Data*, Stockholm, Bromma.

31. Fredriksson, T., Torstensson, M. 2019, *Islamistisk radikalisering. En studie av sär-skilt ut-satta områden*, Stockholm.

Об авторах

Екатерина Юрьевна Талалаева, кандидат философских наук, младший научный сотрудник, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Россия; доцент кафедры истории и философии, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия.

E-mail: aikatarin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-https://orcid.org/0000-0002-6007-5202>

Татьяна Сергеевна Пронина, доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник Центра религиозных и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Россия.

E-mail: tania_pronina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8902-9154>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

MODELS FOR COUNTERING THE SEGREGATION OF ETHNORELIGIOUS IMMIGRANT AREAS IN DENMARK AND SWEDEN

E. Yu. Talalaeva^{1, 2}

T. S. Pronina¹

¹ Pushkin Leningrad State University,
10 Peterburgskoye Shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia

² Derzhavin Tambov State University,
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392036, Russia

Received 19 April 2023

Accepted 25 December 2023

doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-5

© Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S., 2024

The article explores the immigration and integration strategies of Denmark and Sweden while assessing their efficacy. The two countries, sharing historical, cultural, social and economic similarities, face a common challenge: the formation of ethnoreligious enclaves primarily inhabited by individuals with a Muslim background. Due to the recent European migrant crises, there has been a notable increase in the number of migrants, leading to stricter integration policies in the Scandinavian countries. Yet, governmental approaches to address the segregation of immigrant areas vary between Denmark and Sweden. Denmark has adopted a stringent immigration policy promoting cultural assimilation of immigrants from non-Western countries, whilst Sweden follows a liberal approach advocating cultural and ethnic diversity within society. The evolution of immigration and integration initiatives

To cite this article: Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S. 2024, Models for countering the segregation of ethnoreligious immigrant areas in Denmark and Sweden, *Baltic region*, vol. 16, № 1, p. 81–99. doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-5

in Denmark and Sweden has been reconstructed through the analysis of official documents and critical examination of political discourses. It is noted that Swedish authorities are increasingly incorporating Denmark's more radical approaches to address migration issues within their political programmes. Despite the results of Denmark's anti-immigration policies and the reduction in the number of segregated immigrant areas, a myriad of issues persist due to EU immigration policies. The problem of forging a new civic identity rooted in the linguistic, religious and cultural homogeneity of Danish society amidst its multiculturalism remains relevant. Thus, Sweden is formulating its own anti-segregation programme, taking into account both the successes and shortcomings of Danish immigration and integration policies. Another important conclusion is that these nations have started to pay special attention to ethnic and religious criteria when identifying 'parallel societies'.

Keywords:

migrant crisis, segregation, immigrant areas, immigration and integration policy, immigrants with Muslim background, ethnoreligious parallel society, Denmark, Sweden

References

1. Hagelund, A. 2020, After the refugee crisis: public discourse and policy change in Denmark, Norway and Sweden, *Comparative Migration Studies*, vol. 8, № 13, <https://doi.org/10.1186/s40878-019-0169-8>
2. Borevi, K. 2017, Diversity and Solidarity in Denmark and Sweden, In: Banting, K., Kymlicka, W. (eds.), *The Strains of Commitment: The Political Sources of Solidarity in Diverse Societies*, Oxford University Press, p. 364—388, <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198795452.003.0013>
3. Kapitsyn, V. M., Magomedov, A. K., Shaparov, A. E. 2022, Immigration policy and integration of migrants in the Kingdom of Denmark at the beginning of the XXI century, *Baltic region*, vol. 14, № 2, p. 98—114, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-7>
4. Shapiro, D., Jørgensen, R. E. 2021, 'Are we going to stay refugees?' Hyperprecarious Processes in and Beyond the Danish Integration Programme, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 11, № 2, p. 172—187, <https://doi.org/10.33134/njmr.151>
5. Isaksen, J. V. 2020, The Framing of Immigration and Integration in Sweden and Norway: A Comparative Study of Official Government Reports, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 10, № 1, p. 106—124, <https://doi.org/10.2478/njmr-2019-0033>
6. Grishin, I. V. 2019, Integration of immigrants in Sweden (socio-political aspect), *South-Russian Journal of Social Sciences*, vol. 20, № 1, p. 40—56, <https://doi.org/10.31429/26190567-20-1-40-56> (in Russ.).
7. Anderson, J., Antalíková, R. 2014, Framing (implicitly) matters: The role of religion in attitudes toward immigrants and Muslims in Denmark, *Scandinavian Journal of Psychology*, vol. 55, № 6, p. 593—600, <https://doi.org/10.1111/sjop.12161>
8. Gadzhimuradova, G. I. 2019, Migration policy of the Nordic countries in respect of immigrants from Muslim countries (for example, Sweden and Finland), *Islamovedenie*, vol. 10, № 2, p. 5—21, <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2019-10-2-5-21> (in Russ.).
9. Schmidt, G. 2022, What Is in a Word? An Exploration of Concept of 'the Ghetto' in Danish Media and Politics 1850—2018, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 12, № 3, p. 310—325, <https://doi.org/10.33134/njmr.365>
10. Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S. 2020, Ethno-confessional immigrant ghettos as a national security problem in Denmark's social and political discourse, *Baltic region*, vol. 12, № 3, p. 55—71, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-4>
11. Freiesleben, A. M. 2016, *Et Danmark af parallelsamfund: Segregering, ghettoisering og social sammenhængskraft: Parallelsamfundet i dansk diskurs 1968—2013 — fra utopi til dystopi*. København: Københavns Universitet, Det Humanistiske Fakultet, URL: https://static-curis.ku.dk/portal/files/160573902/Ph.d._2016_Freiesleben.pdf (accessed 20.06.2023).
12. Hübinette, T., Abdullahi, M. (eds.). 2018, *Swedish Muslims in Cooperation Network Alternative Report*, Stockholm.

13. Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S. 2021, Swedish Islamism as a social and political aspect in the formation of an ethno-confessional parallel society, *Baltic region*, vol. 13, № 4, p. 111—128, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-7>
14. Bursell, M. 2021, Perceptions of discrimination against Muslims. A study of formal complaints against public institutions in Sweden, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 47, № 5, p. 1162—1179, <https://doi.org/10.1080/1369183x.2018.1561250>
15. Kærgård, N. 2010, Social cohesion and the transformation from ethnic to multi-cultural society: The Case of Denmark, *Ethnicities*, vol. 10, № 4, p. 470—487, <https://doi.org/10.1177/1468796810378323>
16. Jensen, T.G. 2018, To Be ‘Danish’, Becoming ‘Muslim’: Contestations of Nation-al Identity?, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 34, № 3, p. 389—409, <https://doi.org/10.1080/13691830701880210>
17. Willander, E. 2019, *The Religious Landscape of Sweden — Affinity, Affiliation and Diversity in the 21st Century*, Stockholm.
18. Hedman, L., Andersson, R. 2015, Etnisk segregation och inkomstsegregation i Sveriges tio största arbetsmarknadsregioner 1990—2010, In: Andersson, R., Bengtsson, B., Myrberg, G. (eds.), *Mångfaldens dilemman: Boendesegregation och områdespolitik*, Malmö: Gleerups Utbildning AB, p. 15—38.
19. Agafoshin, M. M., Gorokhov, S. A. 2020, Impact of external migration on changes in the Swedish religious landscape, *Baltic region*, vol. 12, № 2, p. 84—99, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-6>
20. Borell, K., Gerdner, A. 2013, Cooperation or Isolation? Muslim Congregations in a Scandinavian Welfare State: A Nationally Representative Survey from Sweden, *Review of Religious Research: The Official Journal of the Religious Research Association*, vol. 55, № 4, p. 557—571, <https://doi.org/10.1007/s13644-013-0108-3>
21. Hernes, V. 2018, Cross-national convergence in times of crisis? Integration policies before, during and after the refugee crisis, *West European Politics*, vol. 41, № 6, p. 1305—1329, <https://doi.org/10.1080/01402382.2018.1429748>
22. Bech, E. C., Borevi, K., Mouritsen, P. 2017, ‘A “Civic Turn” in Scandinavian Family Migration Policies? Comparing Denmark, Norway and Sweden, *Comparative Migration Studies*, vol. 5, № 7, <https://doi.org/10.1186/s40878-016-0046-7>
23. Naper, A. A. 2022, Compassionate Border Securitisation? Border Control in the Scandinavian News Media during the ‘Refugee Crisis’, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 12, № 1, p. 4—20, <https://doi.org/10.33134/njmr.494>
24. Dora, Z. K., Erdoğan, Z. 2021, The Defeat of Multiculturalism over Nationalism and Religion: Transformation of Immigration Policies in Denmark and Sweden, *Hitit İlahiyat Dergisi*, vol. 20, № 2, p. 517—546, <https://doi.org/10.14395/hid.980405>
25. Myrberg, G. 2017, Local challenges and national concerns: municipal level responses to national refugee settlement policies in Denmark and Sweden, *International Review of Administrative Sciences*, vol. 83, № 2, p. 322—339, <https://doi.org/10.1177/0020852315586309>
26. Staver, A. B., Brekke, J.-P., Søholt, S. 2019, *Scandinavia’s segregated cities — policies, strategies and ideals*, Oslo Metropolitan University.
27. Jensen, T. G., Söderberg, R. 2021, Governing urban diversity through myths of national sameness — a comparative analysis of Denmark and Sweden, *Journal of Organizational Ethnography*, vol. 11, № 1, p. 5—19, <https://doi.org/10.1108/JOE-06-2021-0034>
28. Plevako, N. S. 2019, Parliamentary elections in Denmark, *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, vol. 9, № 3, p. 42—48, <https://doi.org/10.15211/vestnikier-an320194247> (in Russ.).
29. Rasmussens, A. F. 2004, Statsminister Anders Fogh Rasmussens Nytårstale 1. januar 2004, *Statsministeriet*, URL: <https://www.regeringen.dk/aktuelt/statsministerens-nytaarstale/anders-fogh-rasmussens-nytaarstale-1-januar-2004/> (accessed 20.06.2023).
30. Gustafsson, L., Ranstorp, M. 2017, *Swedish Foreign Fighters in Syria and Iraq: An Analysis of Open-Source Intelligence and Statistical Data*, Stockholm, Bromma.
31. Fredriksson, T., Torstensson, M. 2019, *Islamistisk radikaliserings. En studie av sär-skilt ut-satta områden*, Stockholm.

The authors

Dr Ekaterina Yu. Talalaeva, Research Fellow, Centre for Religious and Ethnopolitical Studies, Pushkin Leningrad State University, Russia; Associate Professor, Department of History and Philosophy, Derzhavin Tambov State University, Russia.

E-mail: aikatarin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6007-5202>

Prof Tatiana S. Pronina, Senior Researcher, Centre for Religious and Ethnopolitical Studies, Pushkin Leningrad State University, Russia.

E-mail: tania_pronina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8902-9154>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))